

— Синбай, — ордена глава, сидевший напротив друга за чайным столиком, мягко улыбнулся. — Что привело тебя сегодня на торжественную церемонию? Лично явился, да еще и приковал все взгляды. Признаться, я решил, будто ты пришел ради того одаренного юноши. А у него и впрямь удивительный дар — мало уступает твоему в его годы, не находишь?

Бессмертный почтенный Чжэньнань лишь молча созерцал пар над своей пиалой. Будучи человеком нелюдимым и скупым на слова, он редко баловал собеседников долгими речами, и глава ордена давно привык к этому молчаливому остракизму.

— И все же мне показалось, что ты совсем не горел желанием брать Си Яо в преемники. Почему? Слава небесам, Цзи Гуаньци вовремя вмешался и проявил чуткость, иначе ты лишился бы столь многообещающего ученика. — Глава ордена вдруг прищурился, и его улыбка стала шире: — Уж не из-за давнего ли обещания ты так упорствовал? Неужто не хотел нарушать обет и брать четвертого преемника?

— Нет, — коротко отозвался Бессмертный почтенный Чжэньнань. При упоминании имени Цзи Гуаньци его пальцы на мгновение сжали тонкий фарфор чайной пиалы. В его обычно бесстрастном лице промелькнула едва заметная тень неловкости. — Просто сегодня он... они вели себя как-то отстраненно. Словно избегали меня.

— Они? — Глава ордена сразу понял, о ком зашла речь. — Да у тебя характер — ледяная глыба, к тому же ты годами пропадаешь в уединении. Немудрено, что мальчишки трепещут перед тобой. Так было всегда, Синбай. С чего вдруг тебя это задело?

«Раньше...» — мысленно отозвался Бессмертный почтенный Чжэньнань.

Да, Сяо Танцин и Цяо Ю всегда держались на почтительном расстоянии. Но только не его первый ученик. Цзи Гуаньци неизменно ждал у входа в пещеру задолго до того, как рассеется барьер уединения. Стоило Бессмертному почтенному Чжэньнаню явиться в мир, как юноша тут же брал на себя все заботы о его обители и быте, никому не перепоручая ни единой мелочи.

А теперь? С тех пор как Бессмертный почтенный Чжэньнань покинул затворничество, Цзи Гуаньци пришел в его дворец лишь однажды — да и то из-за нелепой драки с Цяо Ю. С того дня юноша больше не переступал порог его покоев.

Бессмертный почтенный терялся в догадках, и это незнакомое чувство порождало глухое, липкое раздражение. Опустив взгляд на подернутую рябью янтарную жидкость, он ровным голосом произнес:

— Должно быть, он все еще злится.

— Злится? — Глава ордена удивленно вскинул брови. — Да кто в здравом уме посмеет держать на тебя обиду? — Решив, что речь идет о его собственном непутёвом сыне, он легкомысленно отмахнулся: — Ты о том, что наложил заклятие безмолвия на Цяо Ю во время церемонии?

Брось. Мальчишка болтает не думая, поделом ему. Он парень простой, отходчивый и уж точно не посмеет выказывать недовольство учителю.

Разумеется, Бессмертный почтенный Чжэньнань думал вовсе не о Цяо Ю. Перед его внутренним взором стоял другой человек — тот, кто, преклонив колени, умолял его принять Си Яо в круг преемников.

Воспоминание о том, как послушно и отрешенно Цзи Гуаньци склонился перед ним на площади, отозвалось в груди острой, щемящей тоской. Ему безумно захотелось прямо сейчас сорваться с места, разыскать старшего ученика и... Но он остался сидеть, лишь крепче сжал пальцами край стола.

— Что ты думаешь о Цзи Гуаньци? — глухо спросил он.

Подобное любопытство со стороны холодного Бессмертного было столь непривычным, что глава ордена на миг растерялся.

— Цзи Гуаньци? — переспросил он, собираясь с мыслями. — Чудесный юноша. Благороден, чист душой — под стать своему Мечу Благородного Мужа. Я знаю, Синбай, ты до сих пор тяготишься тем, при каких обстоятельствах он стал твоим первым учеником. Но поверь моему слову: ты еще благодарить будешь судьбу за то, что он рядом.

Заметив, что собеседник хранит молчание, Глава ордена мягко продолжил:

— Да, природным даром он уступает двум другим твоим подопечным. Но у него редкая стойкость духа и невероятное упорство. Он встает задолго до рассвета и изнуряет себя тренировками. И в лютый мороз, и в летний зной — ни разу не дал себе поблажки. Его упорство принесло плоды: нынешний его уровень весьма высок. Присмотрись к нему получше, Синбай. Со временем ты поймешь, какое сокровище тебе досталось.

— Я не это имел в виду, — тихо возразил Бессмертный почтенный Чжэньнань и, помедлив, добавил: — Он действительно очень хорош.

Цзи Гуаньци был безупречен. Вот только этот безупречный ученик больше не стремился к нему, избегал разговоров и, кажется, даже смотреть в сторону наставника не желал. За сотни лет своего триумфального пути грозный Бессмертный почтенный Чжэньнань впервые чувствовал себя настолько беспомощным.

И уж тем более он не мог признаться даже самому себе, какая темная, удушливая досада ворочается в груди всякий раз, стоит ему увидеть своего первенца в окружении других послушников.

— Постой, а где твоя Расписная алебарда, уравнивающая небеса? — вдруг спохватился

глава ордена. — Нечасто увидишь тебя без оружия.

Пальцы Бессмертного почтенного Чжэньнана вздрогнули, пиала покачнулась, и обжигающий чай плеснул на тыльную сторону ладони, мгновенно оставив багровый след. Бессмертный даже не поморщился.

— Оставил в покоях, — бесстрастно уронил он.

Снаружи долетели гневные крики. Глава ордена недовольно поморщился, собираясь велеть слугам прогнать смутьяна, но двери со стуком распахнулись, и в залу бесцеремонно ворвался виновник шума.

— Отец! Ты только послушай, что этот Цзи Гуаньци сегодня выкинул!..

Красноречие Цяо Ю иссякло в то же мгновение. Стоило строптивому юноше обнаружить, что рядом с отцом сидит его собственный грозный наставник, как запал сошел на нет. Он испуганно сглотнул и промямлил:

— Учитель...

— Что за крики? Опять взялся за старое? — Глава ордена устало потер переносицу; один вид непутевого отпрыска нагонял на него тоску. — Где твое почтение к старшим? Цзи Гуаньци — твой старший соученик, ты обязан оказывать ему уважение! С каких пор ты смеешь называть его по имени без капли почтения?

Цяо Ю, явившийся с намерением вылить ушат грязи на старшего брата, прикусил язык. Получить взбучку от отца было досадно, но леденящий взгляд Бессмертного почтенного Чжэньнана мигом остудил его пыл. Раны, полученные, когда наставник безжалостно швырнул его прочь из зала, все еще были под одеждами. Мальчишка поспешно опустил голову, не смея издать ни звука.

— Ступай прочь, у нас с Бессмертным почтенным Чжэньнанем есть незавершенные дела, — недовольно махнул рукой глава ордена.

Подавив вздох обиды, Цяо Ю бросил заискивающий взгляд на отца, затем скользнул испуганным взором по лицу учителя и попятился к выходу, стараясь шуршать одеждами как можно тише.

— Наказание, а не сын, — вздохнул Глава ордена, когда тяжелые двери закрылись. — С утра до вечера одни неприятности от этого шалопая.

Собственно, именно поэтому глава ордена в свое время, поступившись гордостью, буквально навязал несносного мальчишку Бессмертному почтенному Чжэньнаню. Во всей Поднебесной

только Бессмертный почтенный Чжэньнань мог обуздать строптивый нрав наследника ордена Сюаньтянь.

Не дождавшись ответа от собеседника, Глава ордена поднял глаза и обнаружил, что Бессмертный почтенный Чжэньнань его не слушает. Бессмертный застыл, не отрывая взгляда от остывающей пиалы. В следующий миг он резко поднялся, взметнув полы белоснежного халата.

— Мне пора, — сухо бросил он.

Не дожидаясь прощальных слов, он стремительно покинул залу. Глава ордена лишь покачал головой вслед другу и тихо вздохнул:

— Чую, наживем мы еще с ними хлопот...

Весть о том, что Си Яо стал четвертым преемником Бессмертного почтенного Чжэньнаня, со скоростью лесного пожара разнеслась по ордену Сюаньтянь, а вскоре пересекла и границы мира самосовершенствования. Впрочем, куда охотнее досужие языки обсуждали другое событие: то, как первый ученик Цзи Гуаньци у всех на виду опустился на колени перед помостом.

Каждому в ордене было известно: Бессмертный почтенный Чжэньнань никогда не чаял души в своем старшем ученике и едва замечал его существование. И вдруг грозный мастер внял мольбам презируемого им юноши и согласился принять нового адепта! Подобное чудо заставило многих разинуть рты от изумления.

Как бы там ни было, дело решилось окончательно. Новоиспеченный преемник уже принимал поздравления, пока младшие ученики торопливо переносили его нехитрый скарб к уединенным хижинам на склоне горы.

— Хижин здесь немного, как раз четыре — по одной на каждого, — разглагольствовал Цяо Ю, ведя Си Яо по тропинке. Он небрежно указал на самое просторное жилище: — Вот эта — моя. Соседняя принадлежит Сяо Танцину. А вон та, с краю — Цзи Гуаньци. Советую держаться от нее подальше. Старший наш братец в последнее время словно белены объелся, на людей кидается без повода.

Наставления отца о должном почтении к первому ученику вылетели из его пустой головы быстрее, чем остыл чай в зале ордена.

Как раз в этот момент дверь крайней хижины отворилась, и на порог ступил Цзи Гуаньци. Си Яо тут же склонился в безупречном поклоне:

— Приветствую, старший брат.

Тот же кроткий взгляд, то же фальшивое смирение. Цзи Гуаньци мысленно усмехнулся: в прошлой жизни все начиналось в точности так же. Скука смертная. Он сухо кивнул и чисто ради приличия спросил:

— Нанес визит учителю?

— Учитель сейчас беседует с главой ордена. Мне велели явиться завтра утром, — мягко и певуче отозвался Си Яо. От его вкрадчивого, ласкающего слух голоса у любого другого потеплело бы на душе.

Но Цзи Гуаньци было плевать. Он лишь прикидывал в уме, как завтра незаметно улизнуть из обители, чтобы ненароком не столкнуться с Бессмертным почтенным Чжэньнанем. Мысль о Бессмертном и его грозной Расписной алебарде вызывала у него лишь глухое отторжение. Видеть наставника не хотелось совершенно.

Торжества завершились, а значит, близился черед традиционных странствий. Если память ему не изменяла, со дня на день должны прибыть гонцы из посёлка Ло с просьбой о помощи.

— Си Яо, да не распинаясь ты перед ним, — громко, ничуть не скрываясь, фыркнул Цяо Ю. — Твой талант в сотни раз превосходит его жалкие потуги. Один день твоих занятий стоит года его унылой зубрежки. К чему церемонии? Не подвернись этому недотепа редкая удача, его бы и на порог внешнего круга не пустили, не то что в преемники.

Разумеется, Цяо Ю бессовестно лгал. Из-за поврежденных духовных каналов Цзи Гуаньци действительно утратил прежнюю легкость в усвоении ци, однако до полного ничтожества, каким его пытался выставить младший соученик, ему было очень далеко.

Стоявший поодаль Сяо Танцин недовольно поморщился и чувствительно ткнул Цяо Ю носком сапога под колено. Строптивый барчук охнул и нехотя прикусил язык.

Начни они свой путь в равных условиях, Цяо Ю и в лучшем своем сне не одолел бы первого ученика. Увы, мир несправедлив: одним блага сыплются в ладони с рождения, другие же вынуждены годами проливать пот и кровь ради зыбкой надежды удержаться среди сильнейших. И даже это считалось великим благословением небес.

Цзи Гуаньци безучастно выносил чужие нападки. До тех пор, пока Цяо Ю держал кулаки при себе, его тявканье не стоило и ломаного гроша.

"Не злись. Не трать силы попусту, — твердил он себе, словно читал успокаивающую мантру. — Главное — обратиться отсюда. Не ввязывайся в глупые дразги"

Несколько дней прошли в относительной тишине. Цзи Гуаньци усердно избегал встреч с новоявленными соседями, но покой в ордене Сюаньтянь никогда не длился долго. Стоило ему однажды утром выйти на опушку бамбуковой рощи после изнурительной тренировки, как навстречу вылетел запыхавшийся младший адепт.

— Старший брат! Скорее, беда! На площади заварушка!

— Что стряслось? — нахмурился Цзи Гуаньци.

Судя по перепуганному лицу вестника, его несносные соученики опять что-то не поделили. Вмешиваться в их глупые игры не хотелось совершенно.

— Младший брат Си Яо повздорил со Службой наказаний, — глотая воздух, затараторил юноша. — Обычная перепалка, ничего серьезного, но тут мимо проходил брат Цяо. Он и слушать ничего не стал — сразу полез в драку! Раскидал патрульных, а когда явился их командир, и вовсе выхватил Лук, Преследующий Луну! Их окружили, пролить кровь готовы!

— Он пустил в ход Лук, Преследующий Луну? — Цзи Гуаньци резко замер. — Кто командует патрулем?

— Брат Цзян. Цзян Сяннань лично явился, — ответил адепт.

Кровь отхлынула от лица Цзи Гуаньци. Медлить было нельзя. Мгновенно призвав клинок, он взмыл в воздух и устремился к главной площади.

Цзян Сяннань... В прежней жизни их не связывали узы тесной дружбы — они едва ли обменялись парой фраз за все годы обучения. И все же именно этот суровый, прямолинейный человек оказался единственным, кто нашел в себе смелость заступиться за оболганного Цзи Гуаньци, когда Си Яо осыпал его ложными обвинениями. Позже благородный Цзян Сяннань трагически погиб в глубинах одного из тайных пределов. Погиб страшно — от него не осталось даже тела.

<http://bllate.org/book/20080/1994989>